

Полковник Боря

Боря очень хотел в Израиль. А ещё Боря никого не хотел огорчать. Собственно, этого вполне хватит, чтобы можно было представить Борю – и внешность, и характер. И ум.

Боря учился в техническом вузе на космической специальности. В синагоге намекнули – не выделяйся, а то могут не выпустить. Боря попытался, но профессор сказал, что будет весьма огорчён, если Боря не окончит с отличием. Боря вздохнул и защитился с блеском. Ещё до вручения „красного” диплома на Борю пришла заявка из секретного военного института, куда мечтали попасть многие однокурсники. Но только не Боря. Ведь его мама уже раздобыла вызов из Израиля от несуществующей тёти. На распределении Боря выбрал никому не нужный заводик в глуши, руководство которого заверило Борину маму, что фамильный столовый сервис, оставшийся от дедушки Хирама, нужен им гораздо больше, чем хирамов внук, молодой специалист.

Тёплым июльским утром Боря выносил мусор и был схвачен на помойке притаившимися там милиционерами, после чего на „уазике” доставлен в военкомат.

– А вот и лейтенант Левинзон! Какая радость! – громко приветствовал Борю улыбчивый майор за большим столом с красным инвентарным номером.

– Левинзон, – испуганно подсказал Боря.

– Не страшно. По-всякому сойдёт! – продолжал улыбаться майор, и добавил торжественно. – Поздравляю с присвоением звания старшего лейтенанта!

– Мне? Звание? Здесь какая-то ошибка, мне ничего такого не надо, товарищ майор, я в Израиль уезжаю, кому-нибудь другому присвойте, пожалуйста.

– Советский Союз доверяет именно тебе, Левинзон! И ты уж нас не подведи!

– В каком смысле не подведи? Почему именно я не подведи? Что я такого сделал?

– Ещё сделаешь, всё впереди. Отслужишь два года, согласно приказа.

– Какая нелепость... У нас с мамой документы в ОВИР поданы! Я уже с друзьями простился и с девушкой поссорился.

– За документы не беспокойтесь, – сказал майор обнадеживающе, – изыдем в лучшем виде. Да ты присаживайся, старлей. Водички хлебни. Ты что же, не хочешь в армии служить?

– В какой ещё армии? Зачем? Разве что в израильской.

– Вот отслужишь два года в советской армии, повысишь всем боеспособность, а потом махнёшь в израильскую.

– Отпустите?

– Если обещаешь оттуда в меня не стрелять.

– Вас бы это огорчило? – уныло спросил Боря.

– Очень сильно, – лицо майора на мгновение сделалось серьёзным.

– Товарищ майор, – с робкой надеждой заговорил Боря, – а можно как-то решить по-другому, можно без этого всего, без боеспособности, без двух лет?

– Можно, – ответил майор с серьёзным видом, затем написал что-то на бумажке, перевернул и положил перед Борей.

– Что это? – спросил Боря, мысли его путались.

– А это, – вновь радостно сообщил майор, – адрес тюрьмы. Вот прямо туда и отправляйся. При входе скажешь: измена родине и дезертир.

– И когда мне в армию? – печально промямлил Боря.

– Сегодня. По врачам не бегай, не поможет. На тебя разнарядка, с самого верха. А сейчас мы тебе вручим удостоверение офицера, денежное довольствие и предписание. Билет в кассе, номер брони я на бумажке написал, что перед тобой.

– Вместо тюрьмы?

– Так точно, Левинзон, вместо тюрьмы.

Придя домой, Боря долго пытался успокоить маму, потом мама пыталась успокоить Борю. Вечером они поехали на вокзал. Билет был в купейный вагон, как и положено офицеру.

Поезд примчал старшего лейтенанта Левинзона в Харьков, где он начал служить в том самом военном институте, от которого бежал на распределении. Несмотря на упомянутую майором разнарядку, встретили Борю не ласково.

– Опять пиджака прислали, ни черта не умеет, нулище в квадрате, – голос у инженер-подполковника Стебакова был резким, а лицо недовольное. – Фамилия, говоришь, Левинсон?

– Левинзон.

– Без разницы. По-всякому сойдёт. Вначале форменные брюки гладить научись, а потом командира поправляй. Слушай сюда, лейтенант. Займешься составлением отчёта.

– А в чём отчитываться? Я же ещё не успел ничего, – удивился Боря.

– Вот только это меня и радует. Значит так, берёшь этот увесистый отчёт с грифом секретно и переписываешь от руки, меняя даты. Чтобы всё шло этим годом. Потом отдашь машинистке.

– А зачем от руки?

– Чтоб оригинал имел место быть. Неужто не понятно. Срок – неделя. Исполнять!

Вначале Боря решил отчёт прочитать. Содержание ему в целом понравилось, было много интересных таблиц. Переписывание же утомляло чрезвычайно.

На третьи сутки службы весь отдел вызвали в главный лабораторный корпус. Шли слухи о важной инспекции.

– Закернить, всё закернить, быстрее, обезьяны! – орал на кого-то Стебакин. Увидев Борю с коллегами, чуть снизил тон, – А, лейтенанты, слушай приказ, всем стоять вдоль установки и

ждать хрен знает чего. Богатырёв и Середа с этой стороны, Закалата и Левинсон с той. Мордоплюйки держать воодушевлёнными. Если генерал кого спросит, делать шаг вперёд и краснеть.

Расставив всех по местам, подполковник убежал куда-то вниз. Через полчаса вернулся, пропустив вперёд себя генерала с пузом и лампасами. За ними шли ещё несколько человек, но Стебакин обращался только к генералу, воодушевлённо что-то рассказывая. Взгляд у генерала был строгим. По его кивку включили установку.

Всё заверещало и завибрировало. Звуки Боре сразу не понравились. Вскоре вибрация стала нарастать, появился какой-то неприятный писк.

По нервным лицам офицеров, включая беспрерывно говорящего Стебакина, Боря понял, что так быть не должно. Он переместился поближе к распределительному блоку, внимательно рассмотрел, что куда присоединено, и, просунув руку внутрь, с силой сжал красный шланг. Вибрация, вроде, перестала расти. Это было очень вовремя, несколько болтиков развинчивались прямо на глазах. „Обезьяны не закернили,“ – подумал Борис. Он заметил на себе испуганный взгляд подполковника. Кто-то хотел взять инструмент, чтоб прийти Боре на помощь, но Стебакин чуть заметно мотнул головой – нельзя. Удерживать шланг было всё труднее. Скорей бы все свалили отсюда, мечтал Боря, жалея, что не выучил ни одной молитвы.

Наконец, генерал со свитой перешёл в следующий зал, установку выключили. Боре помогли разжать пальцы, отвели к холодной воде. Через четверть часа в зал вбежал взмыленный подполковник Стебакин. Первым делом заглянул в распределительный блок и обругал толпящихся вокруг специалистов, потом направился к Боре.

- Как тебя звать, герой?
- Левинзон.
- Знаю, что Левинзон, а имя? Зовут как?
- Боря... Борис.
- Спасибо, Борис. Выручил, не забуду. Ох, ты... руку жать не буду. В медпункте был? А кто подсказал, на что нажимать?
- Никто. Тут же несложная схема, в целом.
- Ещё и сам допетрил? Ишь... – Стебакин смотрел на Борю с интересом. – Тем более молодчина, старлей!
- Товарищ подполковник, – обратился Боря, — я с отчётом в неделю не уложусь, рука чего-то болит.
- Да и хрен с ним, с отчётом. Отдашь Богатырёву, он займётся, когда свои два допишет.
- Только там ошибок много. Из-за предыдущих переписываний образовались, наверно. Теперь многое не бьётся.
- Сильно не бьётся? – озабоченно спросил Стебакин, сразу поверив Боре.
- Километров двести не дотянет.
- Вот ведь... – подполковник протяжно выругался, потом сказал, – сходи в медпункт и отдохай, А в понедельник ко мне, отчёт разбирать.

Разработчики установки и включённый в их состав Боря получили премию за успешное прохождение государственных приёмо-сдаточных испытаний. А Стебакин как руководитель проекта — орден, звание полковника и новое назначение — возглавить военное представительство. Борю он забрал с собой.

Теперь были сплошные поездки, изучение проектов и заданий, испытания и приёмка оборудования. Боря во всё вникал, его мнение ценилось. Да так сильно, что иной раз старшие офицеры начинали пьянствовать в первый же день командировки, доверив старшему лейтенанту Левинзону одному во всём разобраться. Через полтора года Боре, несмотря на его боязливые протесты, присвоили звание капитана. Выходило, что теперь придётся служить ещё четыре года. Боря пытался подбодрить сам себя, ведь работа интересная, начальство ценит, платят много. Деньги решительно не на что тратить. Боря отослал было денег матери, но та прислала их обратно, указав, что ей нужны не деньги, а внуки. Всё вроде было хорошо, но засыпая, Боря всякий раз видел себя собирающим в кибуце кошерную морковку.

Они стояли перед огромным стальным кубом с торчащими здесь и там трубками. Куб был плохо покрашен в зелёный защитный цвет.

— Ведь ещё мой папа хотел в Израиль, пока жив был, — взволновано говорил Боря, — а я даже если завтра на гражданку уйду, выпустят не сразу, пока секретность кончится, пока документы... Годы пройдут, зубы выпадут...

Стебакин жестом указал замолчать. К ним, тяжело дыша, подошёл крупный мужчина в костюме.

— Ну, что у тебя здесь, Пересмыкин? Рассказывай.

— Здесь, стало быть, защитный корпус, модель эм ка эф восемьсот дробь... фух, пять у ха эл один, вес двенадцать тонн, выдерживает волну до километра от эпицентра.

— А внутри?

— Внутри система, стало быть, коммутации, ша эм ка эр четыреста восемь дробь одиннадцать, с ручным приводом, — для убедительности Пересмыкин сплёл из пальцев сложную фигуру.

— И что ты нам сейчас показываешь? — спросил Стебакин.

— Шаровые краны высокого давления, двухпозиционные, четыре штуки, — подсказал Боря по памяти.

— Ну... За шары я теперь спокоен. Хотя... Как думаешь, Борис Абрамыч, выдержит ли эта дура ядерный удар?

— Не выдержит, Юрий Михайлович, — в тон начальнику ответил Боря.

— Так это не мы разрабатывали, — заволновался Пересмыкин, — мы только изготавливаем, по чертежам, всё в точности, согласно указаниям...

— Ладно, Пересмыкин, где у тебя тут стол накрыт? Показывай... И чертежи тащи, будем сверять.

После трёх первых тостов Боря снова стал проситься в отставку.

— Мне бы на гражданку, чтобы званий этих больше не присваивали. А работать я у вас буду, по-прежнему. Только бы ещё форму допуска другую, попроще, а то сейчас пять лет без выезда.

– Десять, Левинзон.

– Как десять?

– Так. Зеленую дуру с шарами видел? Всё, считай десять. Ну, чем ты недоволен? Кто ещё из твоих сверстников имеет в месяц без малого четыре сотни, живя на всём готовом? Правильно, никто! А кого из них на работе уважают? Никого не уважают! А ты всё Израиль... Дался тебе этот Израиль. Тебя там ждёт кто?

– Тётя, – соврал Боря.

– Тётя подождёт! – гаркнул Стебакин, стукнув по столу кулаком. – Ты, Левинзон, лучше женись на русской бабе. На хорошей русской бабе. Она тебя вмиг научит родину любить.

– Меня уже учили, в стройбате.

– В стройбате это не совсем тоже самое, – со знанием дела заметил Стебакин.

– Возьми меня замуж, Лёвочка, – жарко прошептала Марина.

– Я, скорее, Боренька, – поправил Левинзон, с трудом набрав воздух.

– Лёвочка, Левинзонушка, сладкий ты мой, кудрявчик с плешкой, – промурлыкала Марина.

Она слезла с Бори и легла рядом на спину, отчего её груди, секунду назад нависавшие над Борей сладкими кучевыми облаками, расплылись и стали походить на барханы Иудейской пустыни, в которой Боря никогда не был.

– Какой плавный переходный процесс, – думал Боря, любуясь, – колебания едва заметны и хорошо центрированы. Оптимальное соотношение веса и упругости.

И года не прошло после свадьбы, а Марина всерьёз заговорила про отъезд.

– Торчу на съёмной квартире как дура, мужа месяцами не вижу, культуру вокруг хрен найдешь. Достало тут всё. Достало! Зря что ли я за еврея вышла? Делай же что-нибудь, уезжать надо, в Канаду!

– Почему в Канаду, а не в Израиль? – удивился Боря.

– Потому что в Канаде евреев меньше!

– Ну что, Левинзон, вот ты и майор. Поздравляю со звездой! Чего рожа кислая? Всё в Израиль охота?

– Охота, товарищ полковник. Я же вам объяснял...

– Да не начинай, хватит тут сионизм разводиться. Отпуск на защиту диссертации будешь оформлять?

- Зачем? У меня уже всё готово.
- Ну и прекрасно. Защитишься – сразу полегчает, а то ноешь как Ной без ковчега.
- Не хочу вас огорчать, Юрий Михайлович, но иной раз так и тянет напиться и нахамить какому-нибудь генералу. Может, уволят тогда, наконец.
- Когда это советского офицера за пьянство увольняли? Пожурят слегка... Да и пьёшь ты как воробей из лужи. А что до генерала... Вот мне, к примеру, генеральские погоны не светят, так что ещё лет пять и на пенсию. И сразу тебя отпущу на гражданку. Пойдешь в Академию преподавателем. Там секретность быстро снимут, препода же вообще не в курсах, что где творится.
- Обещаете, товарищ полковник?

Через пять лет Стебакин стал генералом и получил должность в генштабе. Однако, обещание своё не забыл, вызвал Борю в Академию, тот первым делом написал заявление об отставке, хотя и был уже подполковником.

Но всё обернулось иначе. Тёплым июльским утром за Борей приехала чёрная волга и отвезла его на срочное совещание, где был Стебакин и другие генералы.

- Понимаешь, Борис Абрамыч, у нас ЧП. Изделие номер... не важно какой... не полетело. Такая вот беда. Если диверсия – разберутся. А вот если техника виновата, то без тебя никак. Ты уж, не подведи. Займись проблемой. Полномочий тебе любых, в помощь бери кого хочешь, звание полковника – ниже нельзя, по гостайне – наивысший доступ.

Услышав последнее, Боря поморщился.

- Скажу прямо, согласие твоё чистая формальность, – продолжил Стебакин, – но ты уж не огорчай меня и горячо любимую советскую родину, которой сейчас очень тяжело – соглашайся.

Через полгода Боря докладывал на коллегии министерства обороны:

- ...специалисты работают в изолированных группах и знают лишь про один элемент Изделия. К примеру, седьмая группа работает над приводом, который должен один раз в жизни переместить тридцать тонн на полметра. Квалификация сотрудников высокая, предназначение привода им вполне понятно, но связь между группами затруднена двойным шифрованием и дополнительными проверками. Считаю необходимым группы укрупнить, шифрование убрать, исследовать взаимовлияние элементов в предельных режимах.

- А как же гостайна, товарищ Левинсон?

- Левинсон, впрочем, это не важно, да, я понимаю. Вот израильский журнал семилетней давности, где описывается конструкция, сходная с приводом седьмой группы. И это не уникально. Девяносто процентов инженерных решений по Изделию очевидны каждому специалисту в данной области. Десять процентов, согласен, надо держать в секрете, но за них как раз отвечает другое управление, не наше.

По итогам доклада коллегия решила Борю арестовать. Три дня его допрашивали, потом выпустили под подписку о невыезде. От работы отстранили. Потянулись недели, потом месяцы. С ним явно не знали, что делать.

Боря сидел дома и от непривычного безделья подолгу смотрел телевизор. Там было много интересного, а самым захватывающим оказался съезд народных депутатов. Может и не посадят, думал Боря, слушая выступление академика Сахарова, которого сильно уважал. А хорошо бы так: уволить из армии и выслать из страны. Эх...

Пару раз ему звонил Стебакин, из госпиталя. Он лёг туда после коллегии, чтобы переждать сложный момент, но потом и в самом деле заболел. Голос у него был непривычно слабый, постаревший.

– Ты видел? Что делают, мерзавцы... Какую страну теряем... Вот выкарабкаюсь, и мы им всем покажем!

– Конечно, товарищ генерал-майор, – говорил Боря, не желая огорчать начальника, – всем покажем.

Выкарабкаться Стебакин не смог. На поминках по нему замминистра посадил Борю рядом с собой и между поминальными речами сообщил, что Боря назначен на генеральскую должность с приказом довести Изделие до ума.

– А можно меня не назначать на эту должность? Можно как-то всё по-другому решить, без меня? А Левинзона никуда не назначать, вот просто вообще никуда...

– Как же не назначать? Нельзя не назначать, – сказал замминистра и, раздвинув тарелки, написал что-то на листочке.

– Адрес тюрьмы пишете? – грустно спросил Боря.

– Что? Какой тюрьмы? Рифма хорошая в голову пришла, записал, чтоб не забыть. „Снаряд – всех подряд” – неплохо, да? А ты не дрейфь, справишься. Опять же, квартиру в Москве получишь.

– У меня есть квартира в Москве, после мамы осталась.

– Ну и что? У меня вот четыре квартиры, и ничего, справляюсь.

Через год Изделие полетело. Не так далеко, как планировалось, но тут уж Боря был не виноват – финансирование урезали почти до нуля.

На испытаниях замминистра похвалил Борю и обещал правительственную награду. А потом добавил вполголоса:

– А вот генерала тебе не дадут, не жди. Извини, Абрамыч.

– Почему же?

– Потому, что ты еврей.

– Ой-вей! – простонал Боря, – Мне же теперь хоть домой не возвращайся. Жена весь год готовилась генеральшей стать. Только этим и спасался.

– Выпьешь? – сочувственно предложил замминистра.

– Выпью, – кивнул Боря.

Замминистра уехал, а Боря ушёл в запой. Да, да, полковник, доктор технических наук, Борис Абрамович Левинзон ушёл в долгий и жестокий запой, по выходу из которого не обнаружил вокруг себя никакого Советского Союза. И тогда Боря, никого не спрашивая, уехал в Израиль. Один. Потому что жена и сыновья уже укатили в Канаду.

В Израиле Боря начал было наводить справки относительно морковки. Но ему предложили в кибуц не ехать, а строить некий, очень нужный Израилю купол.

- Так я же не архитектор, – удивился Боря.
- Не страшно, – ответили ему, – по-всякому сойдёт!

Сергей СОКОЛОВСКИЙ.